

Г. Х. Бухарова

БАШКИРСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ МОНГОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Статья посвящена изучению монгольских географических названий в топонимической системе Республики Башкортостан. Цель исследования – выявление в башкирской топонимии географических названий монгольского происхождения, анализ их словообразовательной структуры, семантики, происхождения и ареалов распространения в районах республики. Исследование актуально в плане интерпретации иноязычных топонимов, выявления особенностей их функционирования в топонимической системе Южного Урала. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем сделан краткий экскурс в изучение монгольского пласта в башкирской топонимике и впервые дана этимология многих географических названий, образованных от ойконимических, оронимических, гидрографических терминов, дримонимов и этнонимов монгольского происхождения, сделана попытка их систематизации. Исследование проводится с использованием описательного, структурного, сравнительно-исторического методов анализа топонимов, а также методов этнолингвистической реконструкции и лингвокультурологической интерпретации. Проанализированный материал свидетельствует о том, что топонимы монгольского происхождения в башкирской топонимии составляют небольшой пласт и характеризуют природный и антропогенный ландшафт Башкортостана. Монгольские географические названия связаны также с общими верованиями монгольских и тюркских народов. Этнотопонимы монгольского происхождения в башкирской топонимии являются результатом смешения монгольских и башкирских племен и родов в результате монгольского завоевания.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, башкирская топонимия, этнотопонимия, монгольские топонимы, этимология

Введение

В топонимии Башкортостана отражается история и культура прошлых поколений. Об этом свидетельствует архаическая лексика, зафиксированная в названиях географических объектов. Результаты историко-этнолингвистических исследований по башкирской топонимике показывают, что на территории Башкортостана древним субстратом являются географические названия индоиранского происхождения, а затем следует финно-угорский субстрат. По мнению башкирских языковедов А. А. Камалова, Р. З. Шакурова, З. Г. Ураксина, «средний пласт составляют тюрко-монгольские (монгольские, древнетюркские, болгарские и башкирские) топонимы... более ранний слой характеризуется названиями, имеющими соответствия в монгольских языках» (Словарь, 2002: 5–6). К апеллятивам, не представленным в современном башкирском языке, но имеющим лексические соответствия в монгольских языках и в болгарском, авторы причисляют топонимические основы: *балкан/малкан, газы/газе, газак, ирэн, кондор, нора/нура, өйэз/өйэзэн, өргөн, өсән, сала, ур, уран, һеңер сангар, эмэл, әүез* и др. (Словарь, 2002: 6). С данным утверждением авторов нельзя согласиться полностью, так как эти топоосновы могут принадлежать не только к монгольским языкам и поэтому нуждаются в тщательном исследовании.

Как объяснить наличие монгольского пласта в башкирской топонимии?

Наличие общей лексики в башкирском и монгольском языках башкирский языковед Дж. Г. Киекбаев объясняет генетическим родством алтайской семьи языков. Он при помощи теории определенности и неопределенности установил сходство в грамматике урало-алтайских языков, выявил соответствие многих фонетических процессов, а также описал лексические параллели (Киекбаев, 1966; 1972; 1996).

Однако, по мнению А. М. Щербака, «тюркско-монгольские языковые связи складывались в ходе длительного процесса взаимодействия и по своему содержанию, по своим особенностям не имеют ничего общего с теми связями, которые принято считать генетическими» (Щербак, 1994: 184).

Наличие заметного тюркского пласта в монгольских языках, а монгольского – в тюркских подтверждается множественными исследованиями. Несмотря на обоюдный характер взаимовлияний языков и культур, в разный период истории эти языки оказали разное влияние друг на друга. Как показывают исследования А. М. Щербака, «в ранний период истории (до XIII в.) более сильное влияние на монгольские языки оказали тюркские языки, и это влияние носило односторонний характер: в древнетюркском языке слова монгольского происхождения были единичными. После монгольских завоеваний, начиная с XIII в. усиливается монгольское влияние на тюркские языки» (Щербак, 1994). Степень влияния монгольских языков на разные тюркские языки может быть различной в силу конкретных исторических, географических положений и особенностей этногенеза тюркских народов.

В новейших исследованиях убедительно доказывается, что «тюркизмы заимствовались в монгольские и тунгусо-маньчжурские языки и диалекты, но вместе с подобными фактами в этих языках имеются такие формы слов, которые позволяют реконструировать эти лексические единицы как элементы общеалтайской лексики» (Бурыкин, 2017: 198).

Новизна проведенного исследования заключается в том, что, во-первых, выявлены и введены в научный оборот ранее не изученные географические названия Республики Башкортостан монгольского происхождения, во-вторых, внесена некоторая корректировка к выводам башкирских топонимистов по поводу происхождения некоторых топонимов монгольского происхождения, в-третьих, сделана попытка систематизации монгольского пласта в башкирской топонимии.

Актуальность исследования топонимов монгольского происхождения диктуется прежде всего необходимостью выявления непонятных с точки зрения современного башкирского языка географических названий, имеющих отношение к монгольским языкам; во-вторых, необходимостью решить проблему разграничения монгольских и тюркских названий в башкирской топонимии, в-третьих, изучение топонимии в сравнительно-историческом плане позволит выявить этнолингвистические пласты в топонимии и их системные связи.

Материал и методы исследования

Объектом изучения является топонимия Республики Башкортостан, а предметом – топонимы монгольского происхождения, распространенные на ее территории. Цель исследования: выявление топонимов монгольского происхождения и их систематизация на основе изучения общей лексики монгольских языков и башкирских топонимов, объяснение их этимологии, введение в научный оборот новых башкирских топонимов, восходящих к монгольским языкам.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, методом сплошной выборки из «Словаря топонимов Республики Башкортостан» выявляются топонимы, признанные исследователями монгольскими, а также новые монгольские топонимы, еще не введенные в научный оборот; во-вторых, при помощи описательного, структурного и сравнительно-исторического методов интерпретируется происхождение башкирских топонимов монгольского происхождения, определяется их структура и семантика.

Основным фактическим материалом послужил «Словарь топонимов Республики Башкортостан» (Словарь, 2002).

Краткий экскурс в изучение монгольского пласта в башкирской топонимике

В исследованиях башкирских топонимистов выявлены географические названия, объяснимые на материале географической терминологии монгольских языков. По мнению башкирских топонимистов А. А. Камалова и Р. З. Шакурова, монгольский топонимический слой локализован в Белорецком, Давлекановском, Мелеузовском районах (Камалов, 1997: 139; 29;

Шакуров, 1986: 123–124). Возможно, территория данных районов была зоной активного взаимодействия башкирских и монгольских племен.

А. А. Камалов башкирские географические названия, образованные от географических терминов *нора/нура*, *тугай*, *капсагай*, относит к монгольским (Камалов, 1997). В районе озера Асылыкуль (Давлекановский район РБ) он выделяет группу названий со словом *нура/нора*: *Асылыкул нораһы*, *Нора (Нура) тауы*, *Бэлэкэй Нура*, в Белорецком районе гора *Норатау*, там же гидронимы *Отнурок* и *Нура* – пр. Белой, *Кызыл Нора* – название горы в Мелеузовском районе и др. Он также отмечает, что слово *нура* в демском говоре южного диалекта башкирского языка означает гору или круто обрывающуюся продолговатую возвышенность. Происхождение башкирского диалектного географического термина *нура/нора* ученый рассматривает в связи с монгольским *нуру* ‘горный хребет; горная цепь’. Действительно, монгольское *нураа* ‘обрушившийся берег, подмытый крутой откос’; *хэвцэг нураа* ‘крутой обрыв’; *эрэг нураа* ‘обрыв, яр’, а *нуур* ‘озеро’ (БАРМС, 2001: 960–963). Происхождение башкирских оронимов *Капсагай* (вариант *Капсыгай*), *Кабат Капсагай* (другое название *Һыуык Капсагай*) А. А. Камалов связывает с монгольскими: *хабцал* ‘ущелье, теснина, горный проход, главное ущелье и подножие горы; балка’; *хабцагай* ‘узкое ущелье; падь, иногда крутая скала, утес’ (Камалов, 1997). Ландшафтный термин *хавцал* в монгольских языках имеет следующие значения: халха ‘узкое ущелье’; халха *хавцал*, бурятское *хабсал* ‘ущелье, теснина’; калмыцкое *хавчл* ‘непроходимое место’ (ЭСМЯ, 2018: 14). «...основа капчы-, так и ее производные капчал и капчыгай ~ хапчагай считаются монгольскими по происхождению» (ЭСТЯ, 1997: 273). Географический термин *капчал/капчыгай* широко распространен и в тюркских языках, в киргизском, казахском, ногайском (диал.), алтайском, якутском, уйгурском в различных фонетических вариантах употребляется в значениях: ‘горное ущелье’, ‘скалистое ущелье’, ‘теснина’, ‘горный проход’, ‘узкая и длинная горная долина’, ‘косогор’, ‘утес’, ‘отвесная скала’. Исключительно широк семантический диапазон данного слова и его производных в монгольских и тюркских языках. Наличие географического термина *Qarṣaq* в древнетюркском в значении ‘место слияния реки с притоком’, башкирское *капсал* ‘теснина между двумя горами’, *капсык* ‘ущелье’, ‘чаща’, в киргизском *капчыгай* ‘горное ущелье, горный проход, узкая и длинная горная долина’; *капчал* ‘скалистое ущелье’, в алтайском *капчал* – ‘ущелье с высокими отвесными скалами’; в казахском *капшагай*, *капсагай* ‘глубокое скалистое ущелье в горах, по которому течет река’ может свидетельствовать о его общеалтайском происхождении, тем более что «Н. Поппе восстанавливает у монг. *qabci-* его архетип в виде **kapti-* и сопоставляет его как гомогенный с нан. *kariga-/kafiga-*, маньчж. *ᠬᠠᠫᠢᠭᠠ* – ‘сжимать’ и с др.-тюрк. *qar-* ‘сжимать, схватывать’» (ЭСТЯ, 1997: 273). Следует добавить то, что в айском, караидельском говорах башкирских диалектов лексема *капсал* функционирует в качестве географического термина в значении ‘непроходимое место в лесу, непроходимое ущелье, воронка в воде’ и ‘дебри, чаща’ (БТДн, 2002: 186).

Географические названия с термином *тугай* в значении ‘луг, пойма реки’ А. А. Камалов объясняет на материале монгольских языков, где термин *тохой* употребляется в значениях ‘излучина, изгиб реки, ручья; залив’ (Камалов, 1997: 180). Термин распространен во многих тюркских языках: «в алтайском языке *токой* ‘полуостров, выдавшийся полукругом берег реки’, в теленгитском диалекте *токой/тогой* ‘лес’; казахское *тогай* ‘пойма реки с богатой лесолуговой растительностью’; иногда лес; киргизское *токой* ‘лес’; 2) *тугай* ‘заросли кустарника, часто смешанного с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озер, на болотистых местах’; каракалпакское *тогъай* ‘лес, лесные заросли; заросли кустарника’; татарское *тугай* ‘извив, излучина реки’; 2) ‘луг, пойма; *урман тугае* диал. ‘лесная поляна’; 3) *тугай*; туркменское *токай* ‘лес; лесной’; хакасское *тогъой* ‘роща’; лес на низменности, в извилине реки; луга по речным долинам с примесью кустарников и деревьев’; якутское *тогой* ‘изгиб, излучина (реки

или озера с заливом»); 2) *устар. тогой* – самая мелкая административная единица в северных районах Якутии в первые годы советской власти» (Молчанова, 1979: 98).

Географический термин *тугай* образован от монгольского анатомического термина *тодо-и*, халха, бурятское *тохой*, калмыцкое *тоха* ‘локоть, локтевой сустав; локоть (мера длины); излучина, лука (реки)’ (ЭСМЯ, 2018: 173). От данного географического термина происходят башкирские ойконимы: *Тугай* – названия деревень в Благовещенском, Буздякском, Бураевском, Гафурийском районах. В современном башкирском языке *тугай* – кустарник по берегам рек, луг, пойма.

В топонимии ик-сакмарского бассейна М. Г. Усманова выявила монгольские включения. В их составе она выделила, во-первых, топонимы, в основе которых лежат слова, в основном географические термины, единые для общеалтайской лексики (общие для тюркских и монгольских языков), например, *Азакыйлга* ‘нижняя часть реки, т. е. устье реки’; *Бирге Азакыйлгаһы* буквально ‘ближнее устье реки’; местность *Агасаяк*, буквально ‘устье реки, где растут деревья’; *Бабайгул* ‘ложбина старика’, *Абдуллакул* ‘ложбина Абдуллы’, где *кул//гул* башкирское ‘ложбина’; монгольское *гол* ‘река, речное русло’; татарское диалектное *кул, кол, гол* ‘низина, овраг’; ‘долина’; во-вторых, топонимы, объясняемые только на монгольской языковой почве: *Мәнәүез йылгаһы, Мәләүез йылгаһы*, по ее мнению, образовано от монгольского *мана/мәнә/мәлә* ‘караулить, сторожить’ и монгольского *уз/ус* ‘вода, река’, т. е. ‘сторожевая, караульная река’; *Мәнәйтәуы* ‘сторожевая гора’, урочище *Манаулыкойо*, буквально ‘родник, где есть укрепленное, сторожевое место’, топонимы *Норайташы*, овраг *Нуралы-уй* от монгольского *нураа* ‘обрыв’ и др. (Усманова, 1994: 135–136).

В исследованиях Г. Х. Бухаровой рассмотрены некоторые тюрко-монгольские топонимы, связанные с мифорелигиозными верованиями данных народов, в частности с культом *обо//уба*, с поклонением божеству *Отукен*, с обожествлением гор и наделением их эпитетом *хан, баян* ‘божественный’ (Бухарова, 2003; 2017).

Как известно, *обо* (оба) являлось местом поклонения у монголов и тюрков. Возможно, поэтому топонимы с основой *уба/обо* широко распространены в тюркоязычном ареале. Башкирские топонимы *Уба* (‘курган, насыпной могильный холм’, ‘холм’), *Убалар* (от *уба* ‘холм’ и аф. множ. числа *-лар*), *Убалар* (от *уба* ‘холм’ и аф. множ. числа *-лар* и *бағыуы* – ‘поле’), *Убатау* (от *уба* ‘холм’ и *тау* ‘гора’), *Убалыктар һыртты* (от *уба* ‘холм’ или ‘надмогильный холм’, аф. наличия чего-либо *-лык* и аф. множ. числа *-тар*; ‘хребет, где имеется холмы *уба*) и многие другие свидетельствуют о существовании в прошлом культа *уба* и у башкир.

Уба/обо – «это каменные или земляные насыпи, сложенные в виде сфероида, кучи камней с воткнутыми ветвями, на которые обычно привязывали лоскутки материи и пучки конских волос – жертвы горным духам, так как *обо* в Монголии часто располагались на высоких горных перевалах. Термин *оваа* в форме *она* упоминался уже в древнетюркской рунической надписи, датируемой примерно VII в. Культ *оваа* существовал у всех тюркских народов Саяно-Алтая, монголов и бурят, у народов Средней Азии и Тибета» (Тадинова, Эмба, 2006: 607).

В «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина читаем: «*обон* ‘земляная или каменная насыпь’, которую делают буряты для религиозных обрядов или в качестве опознавательных знаков на местности, *обоо* ‘куча, груда (камней), насыпь’, ‘межевой пограничный знак’, ‘возвышенность, на которой воздвигнута в честь ее духов насыпь в виде кучи из камней и веток’» (Аникин, 2000: 415). Топооснова *обо* в значении ‘груда жертвенных камней в честь духа горы’ имеется в топонимии Горного Алтая: *Обоо, Обоолу-Боочы, Обоо оозы, Обоо-Туу* и т. д. Однако данный культ был распространен не только у тюрко-монгольских народов. Как пишет Г. Е. Кагаров, «...обычай устраивать в известных местах каменные кучи, причем каждый прохожий обязательно должен бросить в кучу камень, ветку

или какой-нибудь предмет, является одним из наиболее распространенных традиций чуть ли не у всех народов земного шара» (Кагаров, 1927: 116).

Внутренняя форма, глубинная семантика слова *уба*, возможно, имеет связь с тунгусо-маньчжурской мифологией, где *оми* – душа. Г. М. Василевич, изучив мифологические представления тунгусо-маньчжурских народов, пришла к выводу о том, что «первоначально *оми* называлось изваяние человека из камня и глины, которое изготовил один (младший) из двух братьев – создателей вселенной. Сотворив изваяние, он ввел в него душу – *оми*» (Василевич, 1992: 254). К подобным выводам пришла Т. Ю. Сем: «Согласно мифологическим представлениям шести тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока: нанайцев, ульчей, орочей, ороков, негидальцев и удегейцев, все живое на земле – растения, животные и человек имели свой источник жизни, жизненную силу *омиа*, получаемую в момент зарождения. *Омиа* человека представлялась особой субстанцией, способной к самостоятельному продолжительному существованию вне тела человека в течение нескольких поколений до его рождения и после смерти, способной к изменениям и перевоплощениям и переходу от предков к потомкам» (Сем, 1991: 79–80). Исследователь в одном семантическом гнезде рассматривает основы *ум-/ом-/об-/ов-*. Например, тунгусо-маньчжурское *оми*, *оми* ‘зародыш’, ‘женская утроба’, *омо*, *омук* ‘гнездо’, *омоло* ‘внуки’, ‘потомки’, *омиа*, *оми* ‘жизненная сила’ и названия каменных куч *оваа*, *обо* у тюркских и монгольских народов. Таким образом, внутренняя форма слово форм *уба//обо//оми* связана с глубинной семантикой «душа предков», «жизненная сила *оми//омиа*».

В словаре топонимов РБ некоторые топонимы тюркского происхождения зафиксированы как монгольские. Так, например, *Арғауз* – левый приток Сима в Архангельском районе. Варианты названия – Аргаус, Арғаза. Происхождение гидронима Арғауз объясняется от башкирского *арғы* ‘дальняя’ и монгольского *уц//уса* ‘вода, река’ (Словарь, 2002: 31). Другую интерпретацию дает Г. К. Валеев: «...в древнетюркском корень *а:р-* с формантами носителя действия *-қи, -ғы, -аз, -н, -мак, -ык* имеет значение ‘вода, рукав реки, речное’, ‘русло, канал, источник, родник, ключ’, а элемент *-уз* он выводит от *ауыз*: *Арғ(ы)ауыз* > *Арғауз* (река – рот, горло)» (Валеев, 1992: 23). Действительно, гидроним может быть образован от тюркского корня *а:р* со значением ‘вода’ ‘источник’ и *ауыз* ‘исток’, ‘вход в ущелье’ или же ‘выход горной речки на равнину’.

Авторы «Словаря топонимов РБ» в ойкониме *Ағуҙа* (деревня в Бирском районе) второй компонент *уҙа* сравнивают с монгольским *ус* ‘вода, река’ (Словарь, 2002: 23). Ойконим образован от названия реки Ағуҙа (Акудинка). Второй компонент гидронима *уҙа* имеет общий корень с термином *узы*, который зафиксирован в Благоварском, Чишминском районах РБ в гидрониме *Узы* – река, левый приток Демы. Однако авторы-составители «Словаря топонимов Республики Башкортостан» данный гидроним объясняют от *уяз//уязы* ‘долина, низменность’ (Словарь, 2002: 204). Тополексема *уҙа* имеет лексические параллели в формах *уда* и *уса*.

Топооснова *уда* имеет широкий ареал распространения: «Уда – реки: 1) бассейн Охотского моря, Хабаровский край; 2) бассейн Ангары, Иркутская область; 3) бассейн Селенги, Бурятия» (Мурзаев, 1984: 429). Имеется несколько гипотез о происхождении гидронимов *Уда* и его фонетических вариантов: М. Н. Мельхеев связывает с наименованием племени *уду* (*удуит*), жившего в XII в. на Селенге и Орхоне (Мельхеев, 1969), другие предполагают, что «эти названия могут быть образованы от эвенкийского *уда* ‘спокойное, тихое течение’, сравните: тунгусо-маньчжурское *уда* ‘медлить’, бурятское, монгольское *уда* ‘медлить, мешкать, задерживаться’» (Мурзаев, 1984: 429). Сравните: Улан-Удэ – столица Бурятии, Нижнеудинск – город в Иркутской области.

Гидронимы с формантом *уд-* распространены в бассейнах Дона, Днепра и Десны. Их происхождение можно связать с индоевропейским корнем **ud*, **ued* ‘вода’, праформы которых восстановлены В. М. Илlichem-Свитычем следующим образом: «в алтайских языках –

ödΛ ‘дождь’ (тунг.), уральских – wete ‘вода’, дравидийских – õtΛ-/wetΛ ‘влажный’, в индоевропейских – ued ‘вода’» (Иллич-Свитыч, 2003: 22).

Названия рек, содержащие в своем составе гидронимический термин *уца/усы*, авторы словаря объясняют от монгольского *уц//уса* ‘вода, река’. Например, *Усы* – правый приток Уфы в Мишкинском, Благовещенском районах в «Словаре топонимов РБ» объясняется от монгольского *уц* ‘вода, река’ и сравнивается с топонимами *Усу*, *Усыбаиш* (*Усубаиш*) – деревня в бывшей Уранской волости Осинской дороги, ныне деревня в Благовещенском районе; *Уса* – река в Ирехтинской волости Казанской дороги; *Уса* – правый приток Кияука в Ишимбайском районе; *Уси* – правый приток реки Миясь, *Усылы* (*Услы*) – левый приток *Уязы*, правый приток Демы в Миякинском, Бижбулякском районах РБ (Словарь, 2002).

В составе данного лексико-семантического разряда топонимов можно рассмотреть гидроним *Өсән*. *Өсән* – правый приток Ика в Белебеевском, Туймазинском районах. В «Словаре топонимов Республики Башкортостан» объясняется от монгольского *усан* ‘вода, река’ и сравнивается с бурятским *уһа*, *уһан* ‘река, вода, воды’ (Словарь, 2002: 164). Действительно, *ус(ан)* в монгольском ‘вода; река’ (БАМРС, 2001: 764). Сравните: халха *ус(ан)*, бурятское *уһан*, калмыцкое *усн* ‘вода’.

В башкирской топонимии имеются географические названия тюркского происхождения, имеющие отношение к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. Рассмотрим некоторые из них.

Курғы – названия рек в Белокатайском, Зилаирском, Федоровском, Альшеевском районах РБ. *Курғылар* – бывшая деревня в Бураевском районе; *Курғы тауы* – гора в Буздякском, Дуванском, Миякинском районах. Происхождение данных топонимов А. А. Камалов объясняет от *курғы* ‘глубокий лесистый овраг, рытвина, пересыхающая речка; мелкий лес, характерный для степных местностей’ (Словарь, 2002: 133). В словаре башкирского языка слово зафиксировано также в значении ‘мелкий лес в высокогорье’ (БТһ, 1993: 705). Башкирское *курғы* А. А. Бурыкин относит к редким словам тюркских языков, сравнивает с тофаларским *qırhы* ‘редколесье в высокогорье’ и сопоставляет с эвенкийским *урэ*: гора, эвенским *урэ:кчэ:н* гора, ульча *хурэ(н)* гора, нанайским *хурэ(н)* гора, сопка (Бурыкин, 2009). Действительно, башкирское *курғы* сопоставимо с тюркскими: киргизское *керүү* ‘верх горы или склон высокой горы с травой’ и монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками: монгольское *kege-r-e*, халха *хээр*, бурятское *хээрэ*, калмыцкое *кеер* ‘место, удаленное от жилых мест (открытое поле, поле, степь, лес)’; эвенкийское *кэвэр*, *кэр* ‘луг; степь’; ‘болото с травой и редкими деревьями; горная тундра’ (ЭСМЯ, 2016: 112), а также с халха *хэр*, *хэрүү* ‘деревья, растущие по северному склону горы островками или отдельными группами’ (ЭСМЯ, 2016: 120).

Таким образом, краткий экскурс в изучение монгольского пласта в башкирской топонимии показывает, что некоторые параллели в башкирском и монгольском языках имеют ностратические корни, об этом можно судить по гидронимическому термину *уд* и его фонетическим вариантам в языках, относящихся к разным языковым семьям, и широкому ареалу его распространения. Некоторые общие топоосновы могут возводиться к общеалтайской лексике (*капсак/капсагай*, *курғы*), а некоторые топоосновы могут относиться только к монгольским языкам (*нура//нора*, *тугай*, *уба*).

Башкирские гидронимы монгольского происхождения

Рассмотрим башкирские гидронимы, объяснимые на материале лексики монгольских языков.

Азуй – речка, приток Кизила в Абзелиловском районе, приток Белой в Белорецком районе. А. А. Камалов происхождение гидронима объясняет от *аг//ак* ‘белая’ и *уй* ‘долина’, ‘речка’ и сравнивает с *Азуй* – урочище в Гафурийском районе (Словарь, 2002: 23). Объяснение

гидронима *Азуй* как «Белая долина» вряд ли соответствует истине. Мы полагаем, что происхождение гидронима может быть связано, во-первых, с башкирским диалектным словом *азуй//азуймак*, что означает ‘открытая долина между гор’; во-вторых, с монгольским *азуй* ‘пещера, грот, подземелье; вертел; катакомба’; ‘полость’; ‘углубление, яма’ (БАМРС, 2001: 166). Сравните: халха, бурятское *азуй*, бурятское *Азгы* ‘пещера, грот, подземелье’; ‘впадина в горах’ (ЭСМЯ, 2015: 41). Следует добавить то, что в тюркоязычном ареале топооснова *уй//ой* «...активно участвует в образовании как гидронимов, так и оронимов. Апеллятив *ой* входит в состав названий рек, ручьев, логов, долин, гор, перевалов, населенных пунктов и имеет значение низины, котловины, впадины» (Молчанова, 1979: 79).

Икен – речка, правый приток Лемезы в Архангельском районе. Вариант названия Экен. Происхождение названия объясняется от *ике* ‘два’ и *ин* ‘метка, знак, тамга, тавро’ (Словарь, 2002: 73). От гидронима *Икен* образованы названия поселков в Архангельском и Иглинском районах. На наш взгляд, вариант названия *Экен* более древен и соответствует географическому термину *эх(эн)* в монгольском, что означает ‘начало, источник; истоки’ (БАМРС, 2002: 441). Сравните: халх. *эх(эн)*, бур. *эхин*, калм. *эки* ‘начало; исток’.

Кандыгай йылгаһы – река в Абзелиловском районе. *Кандыгай* – гора там же. А. А. Камалов происхождение названий объясняет от канды ‘кровавая’ и кай//кая ‘скала, утес’ и сравнивает с Кандыйылға – речка, Кандытүбә – холм в деревне Рахмет того же района (Словарь, 2002: 115). На наш взгляд, *Кандыгай* и *Канды* – не гомогенны, а гетерогенны. *Кандыйылға* действительно трактуется как ‘кровавая река’, а *Кандыгай* в значении ‘кровавая’ в восточном диалекте башкирского языка звучало бы в форме *Кандыкай*, а не *Кандыгай*. Мы полагаем, что гидроним и ороним *Кандыгай* имеет монгольское происхождение и восходит к монгольскому *хандгай* ‘лось, сохатый’ (БАМРС, 2002: 894). Сравните: «бурятское хандагай ‘лось’ (Аникин, 2000: 255), тунгусское *кондагай* ‘лось’ (Аникин, 2000: 301), халха *хандгай*, бурятское *хандагай*, калмыцкое *хандһа*, дагурское *хандаг* ‘лось’, ‘сохатый’, маньчжурское *qandaḡan* ‘лось-самец’; киргизское *кандагай* ‘мужские штаны из кожи горного козла» (ЭСМЯ, 2018: 30).

Коткор – речка, правый приток Белой в Белорецком районе. В том же районе имеются названия: *Бәләкәй Коткор*, *Коро Коткор йылгаһы*, *Коткор ташы*. От названия речки *Коткор* получил название одноименный хутор в Белорецком районе. В основе гидронимов лежит монгольское *хотгор* ‘лощина, впадина; углубление, выемка, низменность; котловина’. Сравните: халха *хотгор* ‘лощина, впадина’; ‘вогнутый в середине’; бурятское *хотогор* ‘изогнутый’; ‘наклонный, покатый’, ‘склон’ (ЭСМЯ, 2018: 60).

Кыңгыр – реки, правый приток Бири в Бирском районе; приток Менеуза в Бижбулякском районе, д. Кенгер-Менеуз. *Кыңгырбаиш* – правый приток Малого Ускалыка в Зианчуринском районе; *Кыңгыратау* – гора в Дюртюлинском районе; *Кыңгыртаиш* – гора в Баймакском районе; *Кыңгыр үзәге* – ложбина в Бурзянском районе. От основы *кыңгыр* образованы гидронимы, оронимы и ойконимы. Сравните: *Кыңгыр-Мәнәүез* – село в Бижбулякском районе. А. А. Камалов происхождение названий связывает древнетюркским *qinir* ‘косой, косоглазый’ и сравнивает с монгольским *хонхор* ‘углубление, вымоина, впадина, лог, ложбина, выемка, яма’ (Словарь, 2002: 139). Происхождение данных названий можно объяснить от монгольского *хөнхөр* ‘впадина, ложбина, низина, овраг; низменное место’ (БАМРС, 2002: 1000). Сравните: халха, бурятское *хонхор*, калмыцкое *хоңхр* ‘углубление, впадина’; дагурское *хонкор* (*конкор*) ‘низменность’; ‘топкое болотистое место’ (ЭСМЯ, 2018: 53). На наш взгляд, объяснение названия *Кыңгыр* на основе монгольской лексики ближе к истине, потому что лексема *кыңгыр* сопоставима только с монгольским *хонхор//хөнхөр*, а не с тюркским *кыңыр* в значении ‘косой, косоглазый’.

Һаргай – правый приток Раузяка в Ишимбайском районе. Р. З. Шакуров считает возможным образование гидронима от древнебашкирского *һарыг* «желтая» и ай//уй ‘долина,

низменность' и сравнивает с гидронимами *Һаргай* – правый приток Лемезы в Архангельском районе; *Һаргайы йылғаһы* – речка в Бурзянском районе; *Һаргайы* – бывшая деревня в Хайбуллинском районе; *Һаргайлы* – бывшая летовка в Мелеузовском районе (Словарь, 2002: 217). От гидронима *Һаргай//Һәрғәй* образованы названия многих ойконимов: деревни в Ишимбайском, Мелеузовском районах. *Һаргайы* – деревня в Бурзянском районе. Варианты: *Һаргая*, *Һаргыя*. По нашему мнению, они с *Һаргай* связаны с местностью, где растут густые высокоствольные ровные деревья (возможно, сосновые), и все они сопоставимы с монгольским *чаргай* 'кондовый (лес); высокоствольный' (о лесе, растущем густо) (БАМРС, 2002: 1832). Сравните: халха *чаргай*, калмыцкое *чирһа* 'кондовый (лес)' (ЭСМЯ, 2018: 147). Уместность сравнения *Һаргай//Һәрғәй* и их фонетических вариантов с монгольским *чаргай* 'безсучковый высокоствольный лес' подтверждается и тем, что в башкирском языке от слова *Һаргай* образованы следующие слова и словосочетания: *Һарғауыл* 'длинное деревянное приспособление, используемое для закрытия отверстия юрты' (БТһ, 1993: 575). *Һырғауыл* – в кизилском, миасском, среднем говорах башкирских диалектов означает 'столб, на который лазают в состязаниях; *Һырғый ағас* – в кизилском говоре восточного диалекта башкирского языка – 'высокое ровное дерево' (БТДһ, 2002: 386). Следует отметить, что лексема *Һаргай//чаргай* соотносится с тюркским словом *карагай*, которое употребляется в значении 'сосна' в кум., каз., ккал., ног., тат. диал., баш., уз., уйг. диал., алт., шор. языках; в кир., уйг., уйг. диал. – 'ель', в тат. – 'лиственница', в узб. диал. – 'дерево', 'сосняк', в кирг. – 'еловый лес' и т. д.; в монгольских языках: письм.-монг. *qarrai* 'лиственница', халха-монг. *харгай* 'сибирская лиственница', калм. *харһа* 'сосна', *харра*, *харра* 'ель или лиственница, хвойное дерево' (ЭСТЯ, 1997: 292). По утверждению авторов «Этимологического словаря тюркских языков», «эта основа относится к древнейшему общеалтайскому лексическому фонду» (ЭСТЯ, 1997: 293).

Һукайлы – правый приток Ашкадара в Федоровском, Мелеузовском, Стерлитамакском районах. Гидроним образован от дримонима *Һукай* и башкирского афф. наличия -лы. Происхождение гидронима можно объяснить на материале ландшафтной лексики монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, где монгольское *сиqай*, халха *сухай*, бурятское *Һухай*, калмыцкое *суха* 'таволжник, тамариск, 'ива красная', эвенкийское *сукай* 'таволжка' (ЭСМЯ, 2018: 133).

Башкирские оронимы монгольского происхождения

Следующие оронимы объяснимы на материале монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Көнтэй – гора в Чишминском районе интерпретируется от көн 'день; солнечная, южная' и форманта -тэй 'гора' (Словарь, 2002: 101). Возможно, ороним образован от орографического термина *көнтэй*, который сопоставим с монгольским *хөндий* 'полый, пустой'; сравните: *хөндийагуй* 'ущелье; пещера'. В орониме *Көнтэй* топоформант -тэй не соответствует башкирскому географическому термину *тау* 'гора'. На наш взгляд, аффикс -тэй соответствует монгольскому -т(ай), который образует прилагательные от существительных и является продуктивным аффиксом; в башкирском данный аффикс соответствует аффиксу наличия -лы. В тюркоязычном ареале данный термин находит отражение в гидрониме *Көндөй* – урочище в Горном Алтае. Происхождение названия объясняется от алтайского 'дупло; дуплистый, пустой, продолбленный (по отношению к яру, берегу)' (Молчанова, 1979: 235). Лексема *көндөй* имеется в алтайском, киргизском, хакасском, якутском языках в значениях 'пустой, полый, пустота, дуплистый', в переносном 'никчемный, бесполезный'. В «Этимологическом словаре тюркских языков» указано как заимствование из монгольского (ЭСТЯ, 1997: 107). Сравните: монгольское *хөндий* 'ущелье', 'долина', 'дупло', 'пустой'; в диалекте 'пещера'; эвенкийский диалект *кэн(г)ди* 'дупло', 'нора', 'пещера'; эвенкийское *кон(г)дө* 'котловина', 'пустота'.

Муйылыуэзэк – название ложбины образовано от монгольского *tojil* ‘черемуха’ и башкирского *уэзэк* ‘ложбина’, ‘черемуховая ложбина’. *Сукмуйылтау* – гора в Бурзянском районе, село Аскар. Название образовано от слова *сук муйыл* ‘ветвистая черемуха; черемуха с обильными гроздьями и *тау* ‘гора’. Сравните: *Сукмуйыл* – приток Малой Сюрени в Зианчуринском районе, село Исянгулово; *Сукмуйыл* – реки в Абзелиловском и Бурзянском районах; *Сукмуйыл* – болото в Белорецком районе. Сравните: халха *tojil* ‘черемуха’, бурятское *мойл*, *мойһон* ‘черемуха’, калмыцкое *мөл* (орфографически вместо *мөөл*) ‘крушина’; маньчж. *тоуого* (←**toyil*) ‘черемуха’; эвенкийское *монон* ‘клен’ (ЭСМЯ, 2016: 175).

Шалман – гора в Белорецком районе. Возможно, ороним образован от монгольского *šaldang*, халха *шалдан* ‘голый, обнаженный; оголенный’. Сравните: алтайское *шалтан* ‘обнаженный’ и река *Шалтан* в Горном Алтае.

Башкирские ойконимы монгольского происхождения

Происхождение некоторых башкирских ойконимов можно интерпретировать на примере монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Рассмотрим некоторые из них.

Гөлөк – деревня в Дюртюлинском районе. В «Русско-башкирском словаре названий населенных пунктов Республики Башкортостан» происхождение названия связывается с личным именем Гөлөк (Хисамитдинова и др., 2001: 136). Возможно, антропоним имеет тотемную принадлежность и в его основе лежит монгольское *гөлөг* ‘щенок’. Сравните: халха *гөлөг*, калмыцкое *гөлг*, бурятское *гүлгэн*, дагурское *улуг* (*гүлгү*) ‘щенок’; халха, калмыцкое ‘волчонок’; халха, бурятское ‘почки, побеги, ростки на дереве’; венгерское *kölyök* детеныш (← тюрк.: тур. *Köşek* (ЭСМЯ, 2016: 52). Сравните: башкирское *колокай* ‘жеребенок’.

Котан – название деревни в Бурзянском районе. Ойконим образован от башкирского географического термина *котан* ‘загон для мелкого скота’. Сравните: халха, калмыцкое *хот* ‘загон для скота, хлев’; халха ‘стойбище, лежка (животных)’; ‘боковые стенки гребня лопатки животных’; халха, калмыцкое ‘группа юрт’; калмыцкое ‘стада овец одной группы юрт, одного селения’; бурятское *хото*, дагурское *хотон* (*котон*), калмыцкое, халха ‘город’; эвенкийское *котон* ‘хлев, скотный двор’; киргизское *котон* ‘скотный двор’ (ЭСМЯ, 2018: 60). Сравните: монгольский ойконимический термин *хөдөө(н)* ‘худон, сельская местность; провинция; деревня’ (БАМРС, 2002: 991).

Колгана – деревня в Абзелиловском, Бурзянском районах и *Колгона* – деревня в Ишимбайском районе. Авторы «Словаря топонимов РБ» происхождение данных ойконимов связывают с антропонимом *Колгана//Колгона*. Другое название *Колгона* – деревни в Ишимбайском районе – *Тау Кирэйе*. Ойконимы можно объяснить на материале монгольских языков, где *хулгана* ‘мышь’; сравните: бурятское южное *хулганаа*, бурятское западное *хулгана*, бурятское восточное *хулганаан*, прото-монгольское *хилуана*, монгольское *хулгана*, калмыцкое *хулһн* (Аникин, 2002: 626).

На наш взгляд, судя по этнониму Кирей, *колгана* – мышь была тотемом родового подразделения Тау Кирэйе – кирейтов. Следует добавить, что этноним *кирэй* находит отражение в башкирской ойконимии: *Кирэй* – поселок в Караидельском районе РБ. Керейты, монгольское *keriyed*, халха *хэрээд*, калмыцкое *керэд* – одно из монгольских племен, а также одна из этнических групп в Калмыкии. Возможно, данный этноним в монгольских языках связан с обожествлением тотемной птицы – вороны: монгольское *keriye*, халха, бурятское *хэрээ* ‘ворон’; калмыцкое *керэ*, дагурское *хэрэ* ‘ворона’; в тунгусо-маньчжурских языках: маньчжурское *keru* ‘ворон’; эвенкийское *кэре* ‘ворон зимующий’ (ЭСМЯ, 2016: 120).

Нарат – деревня и болото в Калтасинском районе. В «Словаре топонимов РБ» зафиксировано около десятка названий с топоосновой *нарат*. Р. З. Шакуров происхождение названий с основой *нарат* связывает с татарским *нарат* ‘сосна’ (Словарь, 2002: 156). На наш взгляд,

нарат – монгольское заимствование в тюркских языках, в древнетюркском в начале слов не было сонантов [м] и [н]. Действительно, монгольское *nara-sun*, халха *нарс(ан)*, бурятское *нараһан*, дагурское *нарсу* ‘сосна’ (ЭСМЯ, 2016: 189). Сравните: Бишнарарат (Бишнарарат) – деревня Дюртюлинском районе, образовано от башкирского биш – пять, монгольского нарат – сосна.

Ургалы – село на северо-востоке Башкортостана, в юго-восточной части Белокатайского района, центр Ургалинского сельсовета. В словаре топонимов Республики Башкортостан ойконим не зафиксирован. На наш взгляд, ойконим образован от *урга* и афф. наличия *-лы*. Происхождение ойконима можно объяснить от монгольского слова *урга* ‘стан’, ‘палатка, шатер’. Сравните: бурятское *ургөө(н)* ‘ставка’, монгольское *өргөө* ‘палатка’, протомонгольское *ergtigi* ~ *orgiige* ‘ставка’, калмыцкое *орге* ‘дворец (князя)’, древнетюркское *orgen//orgiin* ‘дворец’, алтайское, койбальское, телеутское (<монгольское) *орго* ‘дворец, ставка’ (Аникин, 2000: 587). *Урга* – старое название Улан-Батора.

Шыгай – деревня в Белокатайском районе, село в Белорецком районе, село Шыгайкулбаш в Буздякском районе. Происхождение данных ойконимов З. Г. Ураксин связывает с антропонимом Шыгай (Словарь, 2002: 225). На наш взгляд, происхождение топоосновы *шыгай* восходит к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, где монгольское *siyui*, халха *шугуй*, бурятское *шугы*, калмыцкое *шуһу* ‘роща, бор, чаща’ (чаще у берегов вод), эвенкийское *шиги* ‘чаща, густой лес’; маньчжурское *šiuwa* ‘кустарник, мелкий лес по северной стороне гор’ (ЭСМЯ, 2018: 111). Можно утверждать, что данные ойконимы образованы не от антропонима *Шыгай*, а от названия рек и местностей, где имеется роща, бор, чаща у берегов рек. Об этом свидетельствуют следующие названия рек: *Шыгай йылғаһы* – речка в Белорецком районе, речки в Мечетлинском районе; левый приток Идяша в Буздякском районе и название местности *Шыгайкулбаш* (*шыгай* ‘роща, бор, чаща у берегов рек’, *кул* ‘долина, баш ‘исток’). А антропоним *Шыгай*, наоборот, возник от ойконима – жителя деревни Шигаево могли наречать *Шыгай*.

Башкирские этнопонимы монгольского происхождения

Наличие названий монгольского происхождения в башкирской топонимии можно связать с экстралингвистическими факторами. Как известно из истории, в 1207 г. войска правого крыла Джучи завоевывают Башкирию, и в составе Великого Монгольского государства появляется племя бажигид, т. е. башкир. Как утверждает монгольский этнолог Т. А. Очир, «название бажигид представляет собой один из вариантов названия этноса башгид. В монгольском башгид и есть форма множественного числа от башгир (башкир)» (Очир, 2016: 21). Интересно отметить то, что «в настоящее время башгиды (башкиры) проживают в сомонах Баян-Уул, Тэс, Баянхайрхан Завханского аймака; сомонах Цагаан-Уул и Цэцэрлэг Хубсугульского аймака Монголии» (Очир, 2016: 21).

Время возникновения на территории Башкортостана монгольских топонимов можно отнести к эпохе Золотой Орды. По утверждению И. И. Дремова, «монгольский компонент мог присутствовать в среде местного населения и иметь самостоятельные поселения, что подтверждается наличием золотоордынских поселений и могильников в Башкирии и крупным городищем Абисово в 42 км от Уфы» (Дремов, 2017: 368).

Контакты башкирских и монгольских племен повлияли на этногенез башкир, о чем свидетельствует их родоплеменная номенклатура. В башкирской этнонимии присутствуют родоплеменные названия, имеющие монгольское происхождение. Так, например, *барын* в составе *барын-табын*, *найман*, *ногай* (*ногай-бурзян*, *ногай-юрматы*), *миркит*, *йылайыр* (джалайр – одно из древнемонгольских племен) и др.

Как видно из названий родовых подразделений, многие из них сложносоставные, что показывает смешение двух родовых групп. Так, например, название башкирского родового

подразделения *барын* в составе ‘барын-табын’ можно объяснить от названия монгольского племени *баарин*. Данное этническое название образовано от монгольского «нечистое, ненастоящее или нарочитое» (Очир, 2016: 20) или же от названия монгольского племени *баруун*, что означает «правый», а также «западный».

В башкирской топонимии имеются названия, объяснимые на материале монгольской этнонимии. Этноним *калмак* закрепился в названиях многих географических объектов – сел, деревень, рек и гор Башкортостана. Рассмотрим некоторые башкирские этнонимы монгольского происхождения.

Калмак – деревни в Ишимбайском, Абзелиловском районах. Ойконим образован от монгольского этнонима *калмак*. Например, *Кесе Калмак* – правый приток Зилаира в Зилаирском районе. Образовано от *кесе* «малая» и гидронима *Калмак* (этноним). *Калмак караулы* – гора в Зианчуринском районе. Ороним образован от этнонима *калмак* и *карауыл* «караульная». Сравните: *Калмак зыяраты* – урочище в Куюргазинском районе; *Калмак* – речка, правый приток Зилаира в районе; *Калмак* – озеро в Баймакском районе; *Калмак ояһы* – урочище в Учалинском районе; *Калмак тауы* – гора в Стерлибашевском районе; *Калмаклар* – деревня в Салаватском районе.

Ногай – реки в Зианчуринском районе, в районе Чертова городища Уфы, *Нугай* – село в Уфимском районе, *Нугай тауы* – гора в Зианчуринском районе, *Нугай юлы* – дорога в Мелеузовском и Бурзянском районах, *Нугай юлы* – старое название тракта Уфа – Оренбург. В основе этнонима *Нугай* лежит монгольское *Ногай* «собака» или же имя правнука хана Джучи Ногай. Возможно, собака была тотемом тюрко-монгольских племен. Некоторые тюркские этнонимы носят название тотемной собаки: *кряшен* – татарское *поуаи* ‘ногаец’, казахское *поуаи* ‘татарин, живущий на востоке России’. Сравните: бурятское *нохой* ‘собака, пес’ ~ монгольское *нохой*, прото-монгольское *нохай*, калмыцкое *нохӕ*. ‘собака, пес’ (Аникин, 2002: 411). Слово *нохой* в переносном значении означает ‘друг, послушный, верный друг’: «В родственниках с монгольским языком имеются некоторые сведения, проливающие свет на происхождение монгольских слов *нохой* ‘собака’ и *нөхөр* ‘приятель, друг’: на языке солонгутов *нухо* – приятель, друг; на маньчжурском языке *нэху* – подруга, пожилая женщина; на зурчитском *nieh-k’u-lu* – друг, приятель; на древнетюркском *пикор* – соратник, сподвижник, прислуга; на якутском *гоуор* – друг, соратник, друг» (ССТМЯ, 1975: 609). Лексема *нохой* ‘собака’ в монгольском гомогенно с лексемами тунгусо-маньчжурских языков *нухо*, *нэху*, *nieh-k’u-lu*, с монгольскими словами *нөхөр* (*друг*) и *нөх(өх)*, *пикор* – в древнетюркском языке, *нөгәр* ‘батыр, стражник при хане’, ‘совокупность вооруженных сил, войско’ – в башкирском.

Йылайыр – реки, правый приток Сакмары в Баймакском, Зилаирском, Хайбуллинском районах. А. А. Камалов происхождение гидронима объясняет от йыла ‘приток, рукав реки’ и сравнивает с алтайским, казахским *сала* ‘приток, рукав реки’ и *айыр* ‘приток, рукав реки, река’ (Словарь, 2002: 90). Возможно, в основе гидронима лежит монгольский этноним *жалайр* ‘джалайр’ (одно из древнемонгольских племен) (БАМРС, 2001: 28). Название гидронима по этнониму часто встречающееся явление в тюркских языках.

Заключение

В башкирской топонимии находят отражение тюрко-монгольские этнокультурные и языковые связи. Результаты данного исследования показывают, что многие не объяснимые на материале современного башкирского языка топонимы образованы от географических терминов монгольских языков, характеризующих природный ландшафт, и они распространены по всей территории современного Башкортостана и сопредельных территорий.

Монгольский пласт в башкирской топонимии, а также в топонимии тюркоязычного ареала может служить подтверждающим фактом, во-первых, родства алтайских языков, так

как некоторые корни могут возводиться к праалтайской форме, т. е. к языку-основе для тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков; во-вторых, общий слой в топонимии может быть результатом взаимовлияния тюркоязычных и монголоязычных племен и смешения их языков на протяжении многих веков, со времени распада алтайской языковой общности, с того времени как эти группы языков уже развивались самостоятельно. Смежность территорий или завоевание территории могли обусловить смешение и взаимовлияние тюркских и монгольских языков и культур, и этот факт может и не иметь отношения к алтайской гипотезе. Следует добавить, что данные топонимики не являются решающим фактором в определении родства языковых групп.

В топонимии РБ находят отражение такие башкирские этнонимы монгольского происхождения, как *Йылайыр*, *Калмак*, *Кирэй*, *Ногай*. Башкирские этнонимы монгольского происхождения могут свидетельствовать не только о контактах монгольских племен с местным населением, но и о смешении башкирских и монгольских племен в результате монгольского завоевания.

В башкирской топонимии фиксируются не только языковые, но и этнокультурные явления, связанные с общими верованиями и мифологией монгольских и тюркских народов. Об этом свидетельствуют широко распространенные в разных районах РБ топонимы с основой *уба*. Многие башкирские топонимы монгольского происхождения восходят к названиям животных и птиц (в том числе тотемных): Гөлөк – от монгольского гөлөг ‘щенок’; халха – калмыцкое ‘волчонок’, Кандағай – от монгольского хандгай ‘лось’, ‘сохатый’, Колғана – от монгольского хулгана ‘мышь’, Кирэй – от монгольского *keriye* ‘ворона’.

Результаты нашего исследования можно использовать в составлении топонимических словарей и в вузовской практике преподавания курсов «Современный башкирский язык», «Лексикология», «Лингвокраеведение», «Этимология», «Ономастическое пространство Республики Башкортостан».

Литература:

- Аникин А. Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.: Наука, 2000. 768 с.
- Башкорт теленең диалекттары һүзлеге** (Рәсәй Фәндәр академияһы. Өфө фәнни үзәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты). Өфө: 'Китап', 2002. 432 бит.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4 т. Т. 1: А–Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4 т. Т. 2: Д–О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 507 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4 т. Т. 3: Ө–Ф / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 438 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4 т. Т. 4: Х–Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2002. 506 с.
- Бурькин А. А.** Тофаларская лексика на общеалтайском фоне. Проблемы этимологических исследований лексики одного тюркского языка на фоне генетических и ареальных связей алтайских языков // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований. Международная научная конференция. Элиста, 2009.
- Бурькин А. А.** Об объеме и характере тюрко-монгольских и тюрко-тунгусо-маньчжурских лексических связей в новой перспективе: роль теории родства алтайских языков для выявления древних языковых контактов // *Oriental Studies*. 2017. № 5. С. 190–198.
- Бухарова Г. Х.** Мифопоэтическая картина мира в башкирской топонимии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2003. 156 с.
- Бухарова Г. Х.** Башкирская топонимия: этнолингвистический аспект исследования. Уфа: Изд-во БГПУ им. М. Акмуллы, 2017. 294 с.
- Валеев Г. К.** Тюркские термины в гидронимах Челябинской области и сопредельных территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). Филологические науки. Вып. 113. С. 17–27.

- Василевич Г. М.** Оми // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 254.
- Дремов И. И.** Происхождение и распространение топонимов и этнонимов 'Калмак' на Южном Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 362–372.
- Иллич-Свитыч В. М.** Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): введение. Сравнительный словарь (b–K) / под ред. и с вступ. ст. В. А. Дыбо; изд. 2-е, испр. Едиториал УРСС, 2003. 408 с.
- Кагаров Е. Г.** Монгольские 'обо' и их этнографические параллели // Сборники музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 6. С. 115–127.
- Камалов А. А.** Башкирские географические термины и топонимия. Уфа: Китап, 1997. 385 с.
- Киекбаев Дж. Г.** Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, Башк. кн. изд-во, 1972. 152 с.
- Киекбаев Дж. Г.** Лексика и фразеология современного башкирского языка: учебное пособие на башк. яз. Уфа, Башк. кн. изд-во, 1966 (Переиздано: Башкирский государственный университет. Уфа, 2002. 275 с.).
- Киекбаев Дж. Г.** Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа: Китап, 1996. 368 с.
- Мельхеев М. Н.** Топонимика Бурятии: история, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969. 185 с.
- Молчанова О. Т.** Топонимический словарь Горного Алтая / под ред. к. ф. н. А. Т. Тыбыковой. Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. 400 с.
- Мурзаев Э. М.** Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Очир Т. А.** Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Поспелов Е. М.** Географические названия мира: топонимический словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 2002. 512 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. Т. I. 224 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. Т. II. 232 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. Т. III. 240 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. Т. I. А–Е. 2015. 224 с.
- Сем Т. Ю.** Семантика образов первоисточника жизни у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока к XIX – нач. XX в. и их средневековые параллели // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991.
- Словарь топонимов Республики Башкортостан.** Уфа: Китап, 2002. 256 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков** (Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages) // Материалы к этимологическому словарю: в 2 т. Л.: Наука, 1975.
- Тадинова Р. А., Эмба З. Н.** Тюркские общие духовные понятия и ритуалы // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / [отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо]. М.: Наука, 2006. С. 562–627.
- Туймебаев Ж. К.** Халха-монгольские лексические заимствования (в баян-ульгейском говоре казахского языка) // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. 2009. № 2. С. 10–14.
- Усманова М. Г.** Имя отчей земли: историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа: Китап, 1994. 272 с.
- Хисамитдинова Ф. Г., Сиразетдинов З. А.** Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2001. 320 с.
- Шакуров Р. З.** По следам географических названий: топонимия бассейна реки Демы. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. 184 с.
- Щербак А. М.** Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 192 с.
- Этимологический словарь тюркских языков** (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Этимологический словарь тюркских языков** (Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ»). М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- Этимологический словарь монгольских языков:** в 3 т. / Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. М.: Институт востоковедения РАН, 2016.

Бухарова Гульнур Харуновна.

Доктор филологических наук, профессор.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской Революции, 3а, Уфа, 450000.

E-mail: buharova_g@mail.ru

Материал поступил в редакцию 13 апреля 2023 г.

G. K. Bukharova

GEOGRAPHICAL NAMES OF MONGOLIAN ORIGIN IN BASHKIR TOPONYMY

The work is devoted to the study of Mongolian place names in the toponymic system of one of the regions of the Russian Federation – the Republic of Bashkortostan. The study aims to discover in the Bashkir toponymy the geographical names of Mongolian origin to analyze their word formation structure, semantics, origin, and spatial distribution in the districts of the republic. The study is significant for the interpretation of foreign toponyms as it reveals the features of their functioning in the toponymic system of the Southern Urals. The scientific novelty of the study consists in the fact that it makes a short excursion into the study of the Mongolian layer in Bashkir toponymy and, for the first time, presents the etymology of many geographical names formed from oikonymic, oronymic, hydrographic terms, drimonims and ethnonyms of Mongolian origin and tries to systematize them. The study was conducted using descriptive, structural, and comparative-historical methods of toponym analysis, as well as ethnolinguistic reconstruction and lingua-cultural interpretation methods. The analyzed material shows that toponyms of Mongolian origin represent a small layer in Bashkir toponymy. Ethnotoponyms of Mongolian origin in Bashkir toponymy result from the intermingling of Mongolian and Bashkir tribes and clans due to the Mongol conquest. Toponyms of Mongolian origin, formed from geographical terms, characterize Bashkortostan's natural and anthropogenic landscape. Mongolian geographical names are also associated with the common beliefs of Mongolian and Turkic tribes.

Keywords: *onomastics, toponymy, Bashkir toponymy, ethnotoponymy, Mongolian toponyms, etymology*

References:

- Anikin A. E.** Etimologicheskij slovar' russkih dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skih, altajskih i paleoaziatskih yazykov [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altai and Paleo-Asian languages]. M.: Nauka, 2000. 768 p. (in Russian).
- Bashkort teleneñ dialektary hyžlege** (Rəsəj Fəndər akademiyaһ. Əfə fənni үзəgeneñ Tarih, tel һәм əzəbiət instituty) [Dialectological dictionary of the Bashkir language (Russian Academy of Sciences. Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center)]. Əfə: 'Kitap', 2002. 432 bit. (In Bashkir).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [The big academic Mongolian-Russian dictionary]: v 4 t. Vol 1. M.: Academia, 2001. (in Russian).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [The big academic Mongolian-Russian dictionary]: v 4 t. Vol 2. M.: Academia, 2001. 507 p. (in Russian).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [The big academic Mongolian-Russian dictionary]: v 4 t. Vol 3. M.: Academia. 438 p. (in Russian).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [The big academic Mongolian-Russian dictionary]: v 4 t. Vol. 4. M.: Academia, 2002. 506 p. (in Russian).
- Burykin A. A.** Tofalarskaya leksika na obshchealtajskom fone. Problemy etimologicheskikh issledovanij leksiki odnogo tyurkskogo yazyka na fone geneticheskikh i areal'nyh svyazej altajskih yazykov [Tofalar vocabulary against the general Altai background. Problems of etymological studies of the vocabulary of one Turkic language against the background of genetic and areal connections of the Altai languages] // Problemy mongolovednyh i altaisticheskikh issledovanij. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Elista, 2009. P. 42–47. (in Russian).
- Burykin A. A.** Ob ob'eme i haraktere tyurko-mongol'skih i tyurko-tunguso-man'chzhurskih leksicheskikh svyazej v novoj perspektive: rol' teorii rodstva altajskih yazbraykov dlya vyyavleniya drevnih yazykovyh kontaktov [On the volume and nature of Turkic-Mongolian and Turkic-Manchu-Tungus lexical relations in a new perspective: the role of the theory of kinship of Altai languages to identify ancient language contacts] // Oriental Studies. 2017. No 5. P. 190–198. (in Russian).

- Buharova G. H.** Mifopoeticheskaya kartina mira v bashkirskoj toponimii [Mythopoeitic picture of the world in Bashkir toponymy]. Ufa: Izdatel'stvo BGPU, 2003. 156 p. (in Russian).
- Buharova G. H.** Bashkirskaya toponimiya: etnolingvisticheskiy aspekt issledovaniya. Monografiya [Bashkir toponymy: ethnolinguistic aspect of research]. Ufa: Izdatel'stvo BGPU im. M. Akmully, 2017. 294 p. (in Russian).
- Valeev G. K.** Tyurkskie terminy v gidronimakh Chelyabinskoy oblasti i sopredel'nykh territorij [Turkic terms in the hydronyms of the Chelyabinsk region and adjacent territories] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No 6 (416). Filologicheskie nauki. Vyp. 113. P. 17–27. (in Russian).
- Vasilevich G. M.** Omi [Omi] // Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Vol. 2. M.: Sovetskaya Enciklopediya, 1992. P. 254. (in Russian).
- Dremov I. I.** Proiskhozhdenie i rasprostranenie toponimov i etnonimov 'Kalmak' na Yuzhnom Urale [The origin and distribution of toponyms and ethnonyms 'Kalmak' in the Southern Urals] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2017. No 4. P. 362–372. (in Russian).
- Illich-Svitych V. M.** Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitohamitskiy, kartvel'skiy, indoevropskiy, ural'skiy, dravidiyskiy, altajskiy): Vvedenie. Sravnitel'nyy slovar' [Experience in comparing Nostratic languages (Semitokhamitic, Kartvelian, Indo-European, Uralic, Dravidian, Altai): Introduction. Comparative Dictionary]. Izd. 2-e, ispr. Editorial URSS, 2003. 408 p. (in Russian).
- Kagarov E. G.** Mongol'skoe 'obo' i ih etnograficheskie paralleli [Mongolian 'obo' and their ethnographic parallels] // Sborniki muzeya antropologii i etnografii. L.: Izd-vo AN SSSR. 1927. Vol. 6. P. 115–127. P. 115–127. (in Russian).
- Kamalov A. A.** Bashkirskie geograficheskie terminy i toponimiya [Bashkir geographical terms and place names]. Ufa: Kitap, 1997. 385 p.
- Kiebaev Dzh. G.** Vvedenie v uralo-altajskoe yazykoznanie [Introduction to the Ural-Altai linguistics]. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1972. 152 p. (in Russian).
- Kiebaev Dzh. G.** Leksika i frazeologiya sovremennogo bashkirskogo yazyka (Uchebnoe posobie na bashk. yaz.) [Vocabulary and phraseology of the modern Bashkir language (Textbook in the Bashkir language)]. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1966 (Pereizdano: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. Ufa, 2002. 275 p.). (in Russian).
- Kiebaev Dzh. G.** Osnovy istoricheskoy grammatiki uralo-altajskikh yazykov [Fundamentals of the historical grammar of the Ural-Altai languages]. Ufa: Kitap, 1996. 368 p. (in Russian).
- Mel'hev M. N.** Toponimika Buryatii: Istoriya, sistema i proiskhozhdenie geograficheskikh nazvanij [Toponymy of Buryatia: History, system and origin of geographic names]. Ulan-Ude, 1969. 185 p. (in Russian).
- Molchanova O. T.** Toponimicheskij slovar' Gornogo Altaya [Toponymic dictionary' The Altai Mountains]. Gorno-altajskoe otdelenie Altajskogo knizhnogo izdatel'stva, 1979. 400 p. (in Russian).
- Murzaev E. M.** Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of popular geographic terms]. M.: Mysl', 1984. 653 p.
- Ochir T. A.** Mongol'skie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongol'skikh narodov [Mongolian ethnonyms: issues of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples]. Elista: KIGI RAN, 2016. 286 p. (in Russian).
- Pospelov E. M.** Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskij slovar' [World Geographical Names: Toponymic Dictionary]. 2-e izd., stereotip. M.: Russkie slovari, 2002. 512 p. (in Russian).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological Dictionary of Mongolian Languages]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2015. Vol. 1. 224 p. (in Russian).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2016. Vol. 2. 232 p. (in Russian).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2018. Vol. 3. 240 p. (in Russian).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2015. Vol. 1. 224 p. (in Russian).
- Sem T. Yu.** Semantika obrazov pervoistochnika zhizni u tungusoyazychnykh narodov yuga Dal'nego Vostoka k XIX–nach. XX v. i ih srednevekovye paralleli [The semantics of the images of the primary source of life among the Tungus-speaking peoples of the south of the Far East to the XIX – early XX century and their medieval parallels] // Rekonstrukciya drevnih verovanij: Istochniki, metod, cel'. SPb, 1991. (in Russian).
- Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan** [Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap, 2002. 256 p. (in Russian).
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov** (Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages) [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages] Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages // Materialy k etimologicheskomu slovarju. Leningrad: Nauka, 1975. Vol.1. 672 p.; Vol. 2. 471 p. (in Russian).
- Tadinova R. A., Ekba Z. N.** Tyurkskie obshchie duhovnye ponyatiya i ritualy [Turkic general spiritual concepts and rituals] // Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira

praturkского этноса по данным языка [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Praturk language is the basis. The picture of the world of the Praturk ethnic group according to the language]. M.: Nauka, 2006. P. 562–627. (in Russian).

Tujmebaev Zh. K. Halha-mongol'skie leksicheskie zaimstvovaniya (v bayan-ul'gejskom govore kazahskogo yazyka) [Khalkha-Mongolian lexical borrowings (in the Bayan-Ulge dialect of the Kazakh language)] // Vestnik Kazahstansko-Amerikanskogo svobodnogo universiteta. 2009. No 2. P. 10–14 (in Russian).

Usmanova M. G. Imya otchej zemli: Istoriko-lingvisticheskoe 143 issledovanie toponimii bassejna reki Sakmar [Name of the fatherland: a historical and linguistic study of the Sakmar river basin toponymy]. Ufa: Kitap, 1994. 272 p. (in Russian).

Hisamitdinova F. G., Sirazetdinov Z. A. Russko-bashkirskij slovar'-spravochnik nazvanij naseleennyh punktov Respubliki Bashkortostan [Russian-Bashkir dictionary-reference book of names of settlements of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap, 2001. 320 p. (in Russian).

Shakurov R. Z. Po sledam geograficheskikh nazvanij: Toponimiya bassejna reki Demy [Following the trail of geographical names: Toponymy of the Dema River Basin]. Ufa: Bashknigoizdat, 1986. 184 p. (in Russian).

Shcherbak A. M. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov [Introduction to the comparative study of Turkic languages]. SPb: Nauka, 1994. 192 p. (in Russian).

Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) [Etymological Dictionary of Turkic Languages. (General Turkic and Inter-Turkic vowel bases)]. M.: Nauka, 1974. 767 p. (in Russian).

Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy "K", "K̡") [Etymological Dictionary of Turkic Languages. (General Turkic and Inter-Turkic basics on letters "K", "K̡"). M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 368 p. (in Russian).

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Sheverina Z. V. Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological Dictionary of Mongolian Languages in 3 volumes]: v 3 t. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2016. (in Russian).

Bukharova Gulnur Kharunovna.

Doctor of Philology, Professor of the Bashkir Language and Literature Department.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

Oktyabr'skoy Revolyutsii av., 3a, Ufa, Russia, 450000.

E-mail: buharova_g@mail.ru